ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ОТЪЕЗЖЕЕ ПОЛЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 5

Лев Николаевич Толстой

Полное собрание сочинений. Том 5. Произведения 1856–1859 гг. Отъезжее поле

Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6749502

Содержание

Лев Николаевич 4
Предисловие к электронному изданию 6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ 9
* ОТЪЪЗЖЕЕ ПОЛЕ. 9
[Первый отрывок.] 9
[Второй отрывок.] 11
[Третий отрывок.] 17
Комментарии Н. М. Мендельсона 20
ОТЪЕЗЖЕЕ ПОЛЕ. 20
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ. 20
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ «ОТЪЕЗЖЕГО ПОЛЯ». 28
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ТОМУ. 30
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ПЯТОМУ ТОМУ. 32
Иллюстрации 36

Лев Николаевич Толстой
Отъезжее поле
(1857 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1935

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»
Организаторы: Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 5-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Предисловие и редакционные пояснения к 5-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно .
–
Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1860 г.

Размер подлинника

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

* ОТЪѢЗЖЕЕ ПОЛЕ.

[Первый отрывок.]

Это было[1] в 1807 году. Была осѣнь. Графъ Никита Андреевичъ еще не уѣзжалъ въ Москву, а только собирался въ отъѣзжее поле. Участники охоты собирались понемногу въ его *Новые Котлы*. Многіе проводили у него все лѣто, многіе уже пріѣхали, другихъ ждали. По обыкновенію въ четвергъ ѣздили въ городъ закупать провизію, отвозить письма и привозили почту, французскіе журналы, письма и Московскія вѣдомости. – Передъ вечеромъ докипала послѣдняя работа уборки на гумнѣ и въ полѣ. Управляющій, прикащики, старосты, десятникъ верхами и пѣшками сновали около скирдовъ и въ полѣ, обозы въ сотни лошадей гремѣли пустые въ пыли отъ гумна и поскрипивая и покачиваясь качались навстрѣчу пу-

[1] *Зачеркнуто:* еще до Тильзитскаго мира. Русскіе въ первый разъ были за границей. Люди жили не такъ какъ

стымъ телѣгамъ. Мужики ждали, что ихъ отпустятъ послѣ осьмаго раза, и умышленно медлили, управляющій хотѣлъ натянуть 9й разъ и мечталъ о 12 скирдѣ.

Два охотника звали въ рогъ къ котлу, и стая въ 150 собакъ выла и лаяла на звукъ рога, одинъ мѣшалъ лопатой въ корытахъ. Бабы съ пѣснями и серпами на плечахъ шли хороводами съ жатвы и вязки, на дворнѣ въ большихъ 12ти домахъ дворовыхъ собирали <пригнатую> скотину. Табуны и стада приближались къ усадьбѣ въ облакахъ пыли. Пастухи и подпаски со всѣхъ ногъ метались, удерживая скотину отъ полей, мимо которыхъ гнали. Плотники, строившіе винокурню, спорили съ Жидомъ рядчикомъ, сдавая работу. Наѣздникъ на золоченыхъ, изъ прутиковъ сдѣланныхъ дрожечкахъ, съ заметаннымъ комами пыли лицомъ, докуривая трубочку и спустивъ ноги, возвращался съ бѣгу на молодомъ взмылившемся сѣромъ жеребцѣ, сынѣ Атласнаго, сына Кролика, сына Сметанки. Жеребецъ, тонкой, еще несложившейся 4-лѣтокъ, моталъ головой и хвостомъ и ступалъ точно прихрамывая. Дворовая румяная красивая дѣвушка съ холстами прошла по дорогѣ и остановилась, чтобъ дать дорогу наѣзднику, наѣздникъ съ дрожекъ щипнулъ ее, и неожиданно улыбнулся [*1 неразобр.*] своего усатаго лица.

Въ кухнѣ поваръ и два поваренка въ бѣлыхъ колпакахъ сбирались готовить ужинъ, а до этаго затѣяли игру въ орлянку въ саду съ лакеями пріѣзжихъ господъ. Въ приспѣшной ставились два самовара. Въ дѣвичьей шили, пряли и прислу-

шивались, не позоветъ ли барыня, человѣкъ 12^{ть} дѣвушекъ. Одна из нихъ лежала на сундукѣ и плакала, другая смѣялась въ окно съ подошедшимъ молодымъ лакеемъ. Старушка Графиня, мать Графа, раскладывала въ своихъ покояхъ карты, у ней сидѣли три старушки. Сестра Графа, вдова, поила чаемъ въ своихъ покояхъ двухъ зашедшихъ съ кружками монаховъ.

Въ отдѣленіи гостей человѣкъ 8^{мь} были по своимъ комнатамъ, кто читалъ, кто игралъ въ карты. На дѣтской половинѣ Нѣмецъ Гувернеръ ссорился съ Французомъ, а дѣти, внучки Графа отъ умершаго сына, докончивали заданный урокъ передъ чаемъ. Другой сынъ Графа, холостой, поѣхалъ кататься съ гувернанткой. Самъ Графъ Никита Андре[е]вичъ только проснулся послѣ послѣобѣденнаго отдыха и умывался водой со льдомъ.

[Второй отрывок.]

Кн[язь] Василій Иларіонычь былъ сынъ вельможи и самъ занималъ очень, очень важное мѣсто въ службѣ; но три года тому назадъ онъ подалъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню. О немъ жалѣли, говорили, что и такъ мало людей въ Россіи, а чтожъ будетъ, когда всѣ такъ будутъ во всемъ отчаяваться и все бросать. Другіе говорили, что онъ прекрасно сдѣлалъ удалившись. – Онъ почувствовалъ, что мѣсто это ему не по силамъ, – говорили они. – Этаго еще мало, что онъ честенъ и храбръ. Отчегожъ не сказать слово: онъ неспособенъ. Хо-

тя и добрый и честный малый. – Самые недоброжелательные люди какъ будто робко и неохотно бросали малѣйшую тѣнь на этаго Кн[язя] Василія Иларіоныча. Онъ былъ такъ богатъ, принадлежалъ къ такой знати, былъ такъ храбръ и, главное, такъ былъ простъ, ровенъ и безобиденъ, непритворенъ въ обращеніи, что осудить его было опасно. —

Впрочемъ говорили о немъ первое время; потомъ забыли. Забыло большинство петербургское, то общество, которое не только наслаждается и умѣетъ наслаждаться современнымъ успѣхомъ минуты, но которое эту только жизнь считаетъ достойной названія жизни. Въ числѣ этихъ борящихся, торопящихся и успѣвающихъ людей Петербурга былъ одинъ человѣкъ, который живо вспомнилъ о Василіи Иларіонычѣ, пожалѣлъ о немъ и захотѣлъ спасти его изъ той тины[2] деревенской жизни, въ которой съ каждымъ годомъ глубже и глубже утопалъ Василій Иларіонычь. Человѣкъ этотъ былъ однимъ изъ вновь появившихся свѣтилъ на горизонтѣ русскихъ государственныхъ людей – не молодой уже человѣкъ, но молодой тайный Совѣтникъ, коротко обстриженный, молодо сѣдѣющій, гладко выбритый, сіяющій здоровьемъ акуратно трудовой жизни госуд[арственный] чел[овѣкъ], въ бѣломъ галстукѣ, съ свѣжей второю звѣздою, съ утра предсѣдательствующій въ комитетахъ, засѣдающій въ Министерствахъ, подающій проэкты, обѣдающій въ 6 часовъ дома въ кругу частью покровительствуемыхъ избранныхъ людей будущаго,

---

[2] *В подлиннике:* и съ той тины

частью снисходительно и политично уважаемыхъ людей прошедшаго, показывающійся на раутѣ посланниковъ и двора и съ сложной, но легко носимой на челѣ думой проводящій поздніе вечера за восковыми свѣчами въ своемъ высокомъ, обставленномъ шкафами кабинетѣ.

Человѣкъ этотъ, Иванъ Тѣлошинъ, какъ его звали въ свѣтѣ, былъ женатъ на богатой Кузинѣ Князя Василія Иларіоныча. Въ осѣнь 1863 года Тѣлошинъ почувствовалъ часто повторяющуюся боль въ правомъ боку. Онъ, очевидно, несмотря на свое каменное сложеніе, переработалъ. Ему надо было отдохнуть. Имѣнья – огромныя имѣнья его жены – находились въ той же губерніи, гдѣ жилъ Василій Иларіонычь. Уставныя грамоты не всѣ были составлены и разверстаны по разнымъ мѣстнымъ условіямъ, имѣ[ли] особую важность. Ему надо было самому быть тамъ. Князь Василій Иларіонычь въ предполагаемомъ въ будущемъ устройствѣ Комитета могъ быть важной поддержкой, а потому Тѣлошинъ вмѣсто Ниццы рѣшилъ поѣхать на осѣнь въ Т. губернію.

Василій Иларіонычь звалъ его къ себѣ года два тому назадъ, шутя, проѣздить вмѣстѣ отъѣзжее поле.

– Онъ мнѣ истинно жалокъ! И мы поѣдемъ къ нему, ежели ты согласна, Зина? – сказалъ онъ женѣ.

<Я очень рада, – сказала Зина. – И они поѣхали. Князь Василій Иларіонычь былъ старый – или скорѣе старѣющійся холостякъ. —>

Блаженъ.....
.....
Кто постепенно жизни холодъ
Съ годами вытерпѣть умѣлъ.

Тотъ, кто въ 40 лѣтъ не понимаетъ всей глубины значенія этаго стиха, тотъ и не испытаетъ этаго тяжелаго жизни холода и той борьбы за жизнь, когда мы начинаемъ ощущать этотъ жизни холодъ, который тѣмъ сильнѣе чувствуется, чѣмъ больше хорошаго, любимаго всѣми было въ молодомъ человѣкѣ. —

Князь Василій Иларіонычь боролся съ этимъ холодомъ жизни и былъ слабѣе его.

– Къ чему мнѣ почести? Къ тому, чтобы не имѣть ни минуты покоя, ни минуты своей? Вліяніе [на] искорененіе злоупотребленій! (тогда еще было то время, когда всѣ воображали, что единственное призваніе человѣка состоитъ въ искорененіи злоупотребленій). Я накажу 10 мошенниковъ, а въ это время 20 новыхъ обманутъ меня? Къ чему? – Любовь женщины, женитьба. Къ чему? Чтобъ страдала жена, болѣли дѣти и я самъ за нихъ? Къ чему? Богатство? Боже мой, ежели бы кто научилъ меня, какъ жить безъ богатства, какъ бы я былъ счастливъ. Богатство къ тому, чтобъ видѣть, какъ вокругъ тебя вьются подлецы, воры – одни подлецы – съ тѣмъ, чтобъ одному украсть 10 к., а другому 10 т. р. Къ чему все? Гадость, грязь, обманъ… Лучше не трогаться и оставить ихъ, только бы они меня оставили въ покоѣ съ моимъ стаканомъ

чая, рюмкой вина, съ окномъ моимъ на садъ, каминомъ зимою, съ книжкой глупаго романа (и тамъ люди, да не живые). Есть, правда, два человѣка не глупые и не подлые, да и то не надолго. И тѣхъ дай Богъ видѣть поменьше. <Ну а осѣнью и до порошъ охота. Былъ бы звѣрь, тутъ люди мало мѣшаютъ. И люди даже дѣлаются милы.> Было время, когда все это было хорошо. Тогда у меня были и зубы и волосы всѣ, и глупъ я былъ, а теперь къ чему? Желудокъ плохо варитъ – а тутъ смерть – вонь и ничего. Къ чему?

Такъ думалъ большей [частью] Василій Иларіонычь до завтрака и передъ обѣдомъ, да и вечеромъ и послѣ завтрака немного веселѣе представлялась ему жизнь. Рѣдко, рѣдко въ извѣстныя поры дня и года, особенно осѣнью, находили на Князя Василія Иларіоныча минуты радостнаго расположенія духа.

Только[3] въ трехъ случаяхъ жизни этотъ страшный вопросъ: кчему? не представлялся Василію Иларіонычу. Это были: когда дѣло касалось его воспитанницы дѣвочки, жившей съ нимъ, когда дѣло касалось его брата, и когда дѣло касалось охоты. Когда ловчій его приносилъ ему отнятыхъ у мужиковъ волченятъ и, помѣтивъ, пускалъ ихъ назадъ въ островъ, Василію Иларіонычу не приходила мысль – к чему онъ осѣнью будетъ съ замираніемъ всего существа ждать на свою свору этихъ меченныхъ волченятъ, когда онъ могъ истребить ихъ еще три мѣсяца тому назадъ. —

---

[3] *Зачеркнуто:* три явленія

Василій Иларіонычъ лежалъ, какъ онъ и проводилъ обыкновенно цѣлые дни, съ ногами на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и читалъ романъ, когда Англичанка гувернантка съ воспитанницей вошли въ комнату. Василій Иларіонычъ помоталъ ногами въ знакъ того, что онъ знаетъ, что надо было встать, и продолжалъ читать. Лицо его выразило досаду, и онъ нѣсколько разъ сопнулъ носомъ, что, какъ знали всѣ въ домѣ, означало дурное расположеніе.

– Совсѣмъ не радъ! Вовсе не радъ, – сказалъ Василій Иларіонычъ[4] англичанкѣ, гувернанткѣ своей воспитанницы, которую – гувернантку – онъ считалъ за пошлую дуру, но съ которой несмотря на то, такъ [какъ] она одна была у него подъ рукой для разговора, онъ часто входилъ въ самыя задушевныя подробности. – Совсѣмъ не радъ, – говорилъ онъ, получивъ письмо Тѣлошина, видимо давая чувствовать гувернанткѣ, которой дѣла до этаго не было, что ежели Тѣлошинъ думаетъ сдѣлать ему большую честь и удовольствіе этимъ посѣщеніемъ, то онъ очень ошибается. И нехудо, чтобы онъ это зналъ.

– Пріѣдутъ сюда эти петербургскіе вельможи [?] и франты съ женою, говорилъ онъ за чайнымъ столомъ, обращаясь къ 40-лѣтней Англичанкѣ, но взглядывая на 15-лѣтнюю воспитанницу, отъ которой, несмотря на молодость ея, онъ, видимо, больше ждалъ оцѣнки и пониманія своихъ словъ.

Да не подумаетъ читатель, что Василій Иларіонычъ бы-

---

[4] *Зачеркнуто:* получивъ письмо Тѣлошина. Вас. Ил. обращался къ

лъ влюбленъ или имѣлъ похожее на начало этаго чувства къ своей воспитанницѣ, хотя полное жизни, крови и мысли подвижное молодое лицо воспитанницы и могло возбудить подобное чувство. Напротивъ, Василій Иларіонычь каждый день говорилъ себѣ, что онъ сдѣлалъ глупость, взявъ къ себѣ эту дѣвочку, которая, какъ и вся нынѣшняя молодежь, Богъ знаетъ съ какими мыслями и въ сущности дрянь. —

– Вовсе не радъ! Привезутъ съ собой всю эту Петербургскую сплетню и мѣшать мнѣ будутъ. Все надо ихъ занимать. Только ужъ этаго никакъ не будетъ. Хочетъ онъ жить – живи, а я въ Нарѣжное иду[5] 2го Сентября. Ужъ вы пожалуйста, мистрисъ Джонсъ, приготовьте имъ тамъ верхъ и все. Вы это умѣете.

[Третий отрывок.]

<– Очень жаль бѣднаго Иларіона, очень мнѣ жаль. Все бросилъ – хандритъ. Озлобленъ на все и впадаетъ, самъ того не замѣчая, въ эту гадкую и грязненькую жизнь стараго холостяка – собачника. Да, собачника. И кто же? Князь Иларіонъ – сынъ Князь Василья Иларіоныча. – Занимая такой постъ и при дворѣ.... и вдругъ все бросить – непонятно! Вы знаете, что мы съ женой ѣдемъ къ нему нынче осѣнью. И я надѣюсь поднять его. У насъ и такъ мало людей въ Россіи, чтобы пропадали такіе люди какъ Иларіонъ… Я беру отпускъ. –

[5] Иду – охотничий термин, иду съ охотой.

Мнѣ нужно же побывать въ имѣньяхъ жены,[6] я и не видалъ мужиковъ нашихъ. Надо рѣшить что нибудь. А мы съ нимъ однаго уѣзда. —

Такъ говорилъ молодой тайный совѣтникъ – значительное лицо Петербурга, обращаясь къ Генералъ-адъютанту, сидѣвшему у него въ кабинетѣ.

– А вотъ и Зина. Ты меня извини. Мы должны быть у Елены Павловны нынче. А мы говорили о твоемъ cousin Иларіонѣ… – обратился онъ къ женѣ, которая въ томъ незамѣтно изящномъ уборѣ, котораго тайна извѣстна только высшему свѣту, тихо вошла въ комнату.

– Ежели вы его не вытащите изъ его берлоги, – сказалъ Г[енералъ]-А[дъютантъ], обращаясь къ женѣ пріятеля, – никто этаго не сдѣлаетъ.

– Да, очень жалко его, – сказала она.

И всѣ трое вышли.

Князь Иларіонъ Васильичъ былъ старый, скорѣе старѣющій холостякъ. Блаженъ кто..... и постепенно жизни холодъ съ годами вытерпѣть умѣлъ!..

Кто изъ людей, дожившій до 40 лѣтъ – (из людей жившихъ и любившихъ) не испыталъ на себѣ всей глубины значенія этаго стиха:>

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,

.....

---

[6] *Зачеркнуто:* теперь съ этімъ Я. А.

Кто постепенно жизни холодъ

–

Комментарии Н. М. Мендельсона

ОТЪЕЗЖЕЕ ПОЛЕ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

Замысел «Отъезжего поля» долго и сильно привлекал внимание Толстого. Он работал над этим произведением очень усердно и придавал ему большое значение.

Так, 30 сентября 1865 г., через девять лет после того, как у него появилась первая мысль об «Отъезжем поле», он занес в Дневник: «Есть поэзия романиста: 1) в интересе, сочетании событий – Braddon, мои Казаки будущие, 2) в картине нравов, построенных на историческом событии – Одиссея, Илиада, 1805 год, 3) в красоте и веселости положений – Пиквик, Отъезжее поле – и 4) в характерах людей – Гамлет – мои будущие Апол[лон] Григ[орьев] – распущенность, Чичерин – тупой ум, Сухотин – ограниченность успеха, Ник[олинька] – лень и Ст[олыпин?], Лан[ской?] Строг[анов?] – честность тупоумия».

Первое упоминание Толстого о новом замысле находится в Дневнике под 22 августа 1856 г.: «Кончил на черно Юн[ость] 1-ю половину и придумал О[тъезжее] п[оле],

мысль которого приводит меня в восторг». На следующий день отмечено уже начало работы над новым произведением.

Судя по Дневникам, она продолжается год с небольшим, затем упоминания о ней исчезают и вновь появляются в 1865 г. Все время, за редкими исключениями, она идет рядом с другими работами.

15 октября 1856 г., упомянув, что написал начало комедии (записная книжка под той же датой называет ее – «Практический человек»), Толстой прибавляет: «Мне приятно с Машей, много болтал о своих планах об Отъезжем поле». 12 января 1857 г., перечисляя семь произведений, которые надо «писать не останавливаясь, каждый день», Толстой на первом месте называет «Отъезжее поле». 3 апреля он думает «начать несколько вещей вместе. Отъезжее поле и Юность и Беглеца».

9 июня Толстой замечает, что «припадок деятельности начинает ослабевать». Правда, «Отъезжее поле» «идет порядочно», но «писал мало». 12 июня в Записной книжке он особенно старательно записывает и подчеркивает: «Писать Казаки и Отъезжее поле, не останавливаясь для красоты, а только чтобы было гладко и не бессмысленно». 7 июля в Дневнике: «Открыл тетрадь, но ничего не писалось. Отъезжее поле бросил».

Но замысел, очевидно, был очень привлекателен, и на следующий же день в Дневнике записывается: «Передумал Отъезжее поле и начал иначе».

Резко своеобразный характер задуманной вещи все более и более становится ясен Толстому, особенно по сравнению с другими работами, занимавшими его одновременно.

23 июля он отмечает в Дневнике: «Отлично думается читая. Совсем другое Казак – как библейское предание, и Отъезжее поле, комизм живописный, концентрировать – типы и все резкие». 18 августа «Отъезжее поле совсем обдумалось», и, вероятно, о нем идет речь в записи 24 августа: «Немного попробовал пописать, но не то».

Запись Дневника под 28 августа, особенно в связи с приведенными выше записями от 23 июля 1857 г. и 30 сентября 1865 г., весьма знаменательна: она указывает, в какую сторону направлялись поиски взыскательного художника, находившего, что у него выходит «не то». «Читал 2-ю часть Мертвых душ, – записывает Толстой, – аляповато. Отъезжее поле надо одно писать».

Непосредственное соседство заметки об «Отъезжем поле» с упоминанием о чтении «Мертвых душ», причем их «аляповатая» вторая часть несомненно оживила в памяти первую, – это соседство едва ли случайно. Как более позднее упоминание романа Диккенса, так и рядом стоящие заглавия поэмы Гоголя и задуманной вещи Толстого определяют характер последней: это должно было быть широкое бытовое полотно.

Следует отметить, что его хронологическое приурочение резко менялось: то действие происходит «еще до Тильзит-

ского мира», то в годы особого оживления крестьянского вопроса, накануне реформ 1861 г. О последнем с особенной ясностью говорит текст рукописи 3 – и своим содержанием, и упоминанием Елены Павловны (несомненно, великой княгини), и инициалами Я. А. в зачеркнутой фразе: по всей вероятности, это был, в обычной для Толстого слегка замаскированной форме, намек на Якова Ивановича Ростовцева.

В Дневниках имеются еще две записи об «Отъезжем поле». Одна – на другой день после только что приведенной, 29 августа 1857 г. Толстой говорит, что его мысли о писании «разбегаются» между тремя вещами, представляющими «серьезные матерьялы»; среди этих вещей и «Отъезжее поле». Вторая и последняя запись Дневника, под 9 октября 1865 г., отмечает: «Писал Отъезжее поле. Выходит неожиданно».

Одновременно с отметками Дневников, Записная книжка Толстого за 1856/57 гг. хранит следы обильных, налету схваченных и наскоро записанных наблюдений, назначение которых для работы над «Отъезжим полем» в огромном большинстве случаев совершенно ясно, так как перед подобного рода записями обычно стоит: «К Отъезжему полю».

В дальнейшем мы не повторяем этого обозначения, оговаривая лишь те записи, которые имеют его на необычном месте или совсем не имеют его и отнесены нами к работе над «Отъезжим полем» предположительно. Заметим также, что материалы, занесенные Толстым в Записную книжку, не всегда датированы, и что иногда бывает затруднительно решить,

где кончается запись, относящаяся к «Отъезжему полю».

За 1856 г. Записная книжка дает следующие материалы для «Отъезжего поля».

Между 14 июля и 18 сентября. «Акуратный становой имеет тайную страсть буянить. Неохотник. Буян чужой. – Ты Граф, а я князь. На закате солнца сафирная вершинка, половина, в зеленях паутина, былинки озими трясутся отъ ветра. Арапник цепляет за ноги зайца. Жена станового, поет русские песни. Старичок Граф один в леску неудачно любезничает с бабой. – Музык[анты?] с ним, играют в карты. Бабы овец стригут.

Думаю: собаки про меня думают, что я умный.

По мягкой пашне только слышно побрякиванье ошейников.

Глупой теленок. Туманное утро – солнце круг.

Один выговаривает племянн[ику] за то, что его собак поил, а племянник поет: тирридиндин, тиридиндин, для лютой скорби даром [?]. Ну что вы глупости (стерьвец). Стремен[ный] плем[янника] говорит другому из кучеров: ваш барин сердитый, у него глаза вылуплены. – Отколол штуку, острит племянник. Коробочник не имел [?] счастия видеть волка.

Лошадь пофыркивает».

Между 10 и 23 сентября. «Чиновник, верящий в нынешний свет, молодой, веселый, встречается в дальней деревне и ссорится с достоинством, говоря, что состояние первое.....

Старушка в гробу завязана.

Лакей с барином травят лисицу.

Встречаешь 2 мальчишек в сапогах с голыми ногами, один в картузике с галуном, несут в поле яблоки.

Посылает бабу. Листья на скамейке. Отвечает с выраж[ением]. Не боюсь, если что?»

23 сентября 1856 г. «Девка кокетничает, как будто неловко вертится, завязывает щеку молод[ому] чел[овеку]. Собака лежит на солнце, смотрит на муху».

7 октября 1856 г. Две записи, непосредственно примыкающие друг к другу. По почерку видно, что сделаны разновременно. Пометы: «К.О.П.» стоят после первой и перед второй. Между ними – фраза, которую считаем тоже за материал для «О. П.» Приводим полностью. «Сквозь куст, двойную раму пыльного окна бьет солнце. Пахнет яблоками в чулане и печеным хлебом. К Отъезжему Полю. В туман тихо слышно звяканье. К Отъезжему Полю. Стадо кажется лесом. Возвращаешься домой. Темно, мга, на горизонте неясные очертания крыш и деревьев деревни».

15 октября 1856 г. Две записи. «Ангел, водки!» Барышни собрались для компании Графа, попадья всех заняла, шутиха. Играют, что болит? по какому цвету. Попадья – жолтый, жолтая пупавка, поповка, пуп».

«Говорит за стеной с барыней, про ее мужа, с которым спит: как вы можете с ним спать, от него воняет».

В 1857 г. в Записную книжку занесены следующие мате-

риалы для «Отъезжего поля».

2 мая. «Помещики дают обещания, и для них чудеса совершаются. На шару стоял».

6 мая. «Семейство Пальчиков[ых], работы, занятия, самоотвержение (друг для друга), вечная деревенская жизнь, prestige образования».

16 мая. «14 летняя девочка влюбляется, она развита не по годам. Ему стыдно, неловко. Она не понимает, так чиста».

10/22 мая. Две записи. Первая не имеет пометы и отнесена нами к материалам для «Отъезжего поля» предположительно.

«К горничной забрался, его застали. Что такое? Это М. И. изволили прилечь».

«Старик главный Пущин и чахоточный племянник».

9 июня. Три записи.

«Барин соглашается легко с либеральными идеями, но что ему делать»?

«Жена умерла прежде, старик сделался угрюм, подозрителен, боится, что он в тягость, и перед смертью только размяк».

«Уезжают гости, ночь в саду, барышня влюблен[ная] провожает. Приживалка».

16 июля. Две рядом стоящие записи, которые предположительно относим к материалам для «Отъезжего поля». «Из-за карт выходит старый помещик, музыка играет, ногами поталкивает.[?]». – «Собаки сыты и свежи».

19 июля. Две записи (а, может быть, одна, с абзацем), предположительно относимые нами к материалам для «Отъезжего поля». «Солнце блестит на его глянцевитом сертуке, на сильных плечах.

У старика волнистые широкие чистые сапоги и ужасно чистой старой сюртук».

20 июля. «4 брата и сестра».

20 августа. 5 записей.

«В редком лесу гоняют, никто не знает что».

«Праздник для мужиков. За сапоги».

«Как глупы молодые люди. Полуулыбаются».

«Щелин брату доказывает незаконн[ость] с кучером».

«Все хорош, добр, пошел по мужикам, – ты злодей».

23 сентября. 2 записи.

«Две старушки толкуют о воле Божьей, ничего без воли Божьей».

«Страх аду, молодой невинной ужас».

Приведенные данные показывают, как долго и как пристально привлекал внимание Толстого замысел «Отъезжего поля». Надо думать, что, несмотря на незавершенность работы, от нее должно было сохраниться, значительно больше, чем воспроизводимые ниже отрывки. С. Л. Толстой высказывает предположение, что часть автографов «Отъезжего поля» погибла, вместе с другими бумагами, в чемодане, который Л. Н. Толстой потерял как раз в годы, совпадающие с его работой над этим произведением.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ «ОТЪЕЗЖЕГО ПОЛЯ».

Рукописи, относящиеся в «Отъезжему полю», хранятся в Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

1. *(П. XX.)* Автограф. 4 лл. русской писчей сероватой бумаги, размером в 4°, с неровными краями. Водяных знаков нет. Клеймо, оттиснутое очень слабо, не поддается определению. Авторской пагинации нет. Чернила черные, выцветшие. Очень узенькие поля слева. Обороты лл. чистые. На л. 4 только две строки. Поправок, состоящих, главным образом, в вычеркиваниях, очень немного. Заглавие – «Отъезжее поле». Текст воспроизводим полностью (см. первый отрывок).

2 и 3. *(П. XX.)* Автографы. 4 лл. сероватой русской писчей бумаги, размером в лист несколько уменьшенного формата. Овальное клеймо, имеющее в середине буквы *L. T.* Водяной знак – «1834». Авторской пагинации нет. Чернила черные, выцветшие. Небольшие поля слева. На лл. 3, 3 об. и 4 об. попытки карандашных рисунков, сделанных как будто детской рукой. Рукопись заключена в обложку, материалом для которой послужил лист какой-то конторской сельско-хозяйственной ведомости. На внешней (чистой) стороне обложки написано чернилами неизвестной рукой: «№ XII. Начало:

«Отъѣзжее поле», причем слово «Отъѣзжее» переправлено другой, тоже неизвестной рукой, из первоначального написания: «Отъѣзжающее». В рукописи два начала рассказа, оба озаглавленные – «Отъѣзжее поле». Второе, занимающее одну с небольшим страницу, перечеркнуто поперек все, за исключением двух заключительных строк. Количество исправлений в первом невелико. Оба начала воспроизведены полностью (второй и третий отрывки).

4. *(П. VI, 1. 3.)* Автограф. 1 л. сероватой русской писчей бумаги, размером в 4°, без водяного знака и клейма. Чернила черные, выцветшие. Небольшие поля слева. Поправок почти нет. Начало: «Да не подумает читатель,».

По содержанию представляет продолжение первого начала рассказа в автографе 2, но писанное позднее, на что указывает разница в формате бумаги и почерке.

Текст «Отъезжего поля» публикуется впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения 1856—1859 годов.

Кроме известных произведений: «Из записок князя Д. Нехлюдова» («Люцерн»), «Альберт», «Три смерти» и «Семейное счастие», печатаемых по журнальным текстам, как единственным авторизованным, в этот том включены варианты к трем последним вещам, извлеченные из черновых рукописей Толстого, а также четыре произведения, опубликованные уже после его смерти: «Сказка о том, как другая девочка Варинька скоро выросла большая», «Как умирают Русские солдаты» («Тревога»), «Лето в деревне» и «Речь в Обществе Любителей Российской словесности».

Впервые печатаются в настоящем томе неоконченные и неотделанные произведения и наброски художественного содержания: «Начало фантастического рассказа», «Отъезжее поле», «Записки мужа», «Отрывок без заглавия», «Светлое Христово воскресенье»; писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян, в количестве семи номеров; один набросок публицистического содержания: «Записка о дворянстве»; заметка юридического содержания: «О русском военно-уголовном законодательстве» и, наконец, «Отрывок дневника 1857 года» (Путевые записки

по Швейцарии) и «Проект по лесному хозяйству».

Произведения, появившиеся в печати при жизни Толстого, размещены в порядке их опубликования, остальные – в порядке их написания, поскольку они могут быть хронологически приурочены к определенному моменту.

Н. М. Мендельсон.

В. Ф. Саводник.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ПЯТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни* Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Толстого и лиц его круга (брычка, пожалуста).

При воспроизведении текстов, *не печатавшихся при жизни* Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся и это оговаривается в сноске.

На месте слов, неудобных в печати, ставится в двойных

прямых скобках цифра, обозначающая число пропущенных редактором слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо который, и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый, «т[акъ] к[акъ]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 *неразобр.*] или: [2 *неразобр.*], где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске)

лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся *не* в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в

диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Обозначения: *, **, ***, ****, в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Толстого, снятого в Брюсселе в 1861 г. (размер подлинника) между X и 1 стр.